

ОГНИ И СУМЕРКИ

Под этой рубрикой, выполняя пожелания читателей «Литературной газеты», редакция начинает публиковать серию статей, посвященных политической жизни, литературе, искусству, быту и нравам Соединенных Штатов Америки наших дней. Мы открываем эту серию письмом о текущем театральном сезоне на Бродвее.

Н ЫНЕ Ш Н И П театральны й сезон в Соединенных Штатах по-прежнему, утверждают наблюдатели, в американском театре все определяется погоней за прибылью. Один из преуспевающих бродвейских режиссеров Артур Хантор заявил недавно в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан», что американский театр — это

«слишком рискованный бизнес». Затем он откровенно добавил: «Коммерческий фактор воздействует на большинство драматургов, композиторов и театральных директоров. В наше время — это крупные предприниматели. Они не могут не думать о больших деньгах. Если они видят пьесу, которая кажется им хотя бы в малейшей степени экспериментом, они склонны немедленно отвергнуть ее ради «апробированной и надежной».

В нынешнем сезоне к числу «апробированных и надежных» можно отнести целый ряд пьес, начиная от музыкальных комедий и спектаклей на сексуальные темы до пьес откровенно модернистского толка. Это, однако, не означает, что на Бродвее нельзя было увидеть в этом сезоне хороших спектаклей.

В числе бесспорно интересных назовем пьесу Лоррейн Хансбери «Изюминка на солнце», рисующую жизнь американских негров (пьеса уже второй год идет на Бродвее); изящную музыкальную комедию «Май фэр леди», недавно отмечавшую свою пятилетнюю годовщину на Бродвее; легкую и приятную, идущую с большим успехом уже третий год подряд музыкальную комедию «Человек музыки», в которой выведен «приятный обманщик», продающий громбоны.

К этим «ветеранам» следует добавить спектакль «Возьми меня с собой» — хорошо поставленную музыкальную переработку пьесы Юджина О'Нийла «В пустыне» о юноше-романтике, живущем в маленьком американском городке.

За пределами этого небольшого списка мы оставляем пьесу «Десятый человек», написанную известным драматургом, автором «Мартин», Пэдди Чавским, хотя она и пользуется большим успехом на Бродвее. Чавский пытается доказать, что вера в идеалы лучше, чем нигилизм. Но он доказывает свой тезис странными методами, прибегая к мистике и дикому религиозному ритуалу.

События разворачиваются в небольшой разрушенной синагоге на Лонг-Айленде, где подвизаются надломленные жизнью старики. Другие действующие лица: молодой раввин — законченный циник; 18-летняя безумная дочь одного из прихожан, которая, по словам ее деда, находится во власти демона, и молодой человек — нигилист, не верящий ни в бога, ни в демона и ни во что другое. «Жизнь совершенно бессмысленна», — утверждает он. Его ариводят с улицы, чтобы он принял участие в церемонии изгнания демона. Для церемонии требуется 10 человек, а в синагоге — только 9, они есть недостающий «Десятый человек». Все кончается совершенно неожиданно. Заумными ритуальными заклинаниями изгоняют не демона, завладевшего ду-

шой безумной девушки, а демона нигилизма, похитившего душу молодого человека. В заключение «очистившийся» герой восклицает, что теперь он посвятит себя любви, а старый раввин провозглашает: «Лучше верить в демонов, чем не верить ни во что».

Сильные антиреалистические тенденции в современном американском театре можно сравнить с абстрактной живописью. Подобно тому как эта бесформенная мазня создается путем беспорядочного расплескивания или разбрызгивания краски по полотну, авторы некоторых пьес «нового направления» достигают эффекта, волю бросаясь словами и фразами, обильно уснащая свою речь непристойностями. В нынешнем сезоне в бродвейских театрах было поставлено несколько таких пьес, дышащих ненавистью и злобой. Наиболее ярким примером может служить «Калигула» Альберта Камю¹. Камю написал ее в 1938 году, когда ему было 25 лет и когда, вероятно, можно было провести параллель между чудовищем, которое он нарисовал, и Гитлером. Однако в 1960 году злодей Калигула, который презирает человечество и желает несбыточного, убивая, грабя и унижая всех, кто окружает его, не может вызвать у зрителя ничего, кроме ужаса.

Но бродвейская аудитория нашла «страсть Калигулы к несбыточному» «смертельно скучной», и после 38 представлений, большей частью при пустом зрительном зале, пьеса была снята.

Однако другие пьесы все еще ставятся и делают полные сборы. Например, одноактная пьеса Самюэла Беккетта «Последняя пленка Краппа», в которой участвуют только один актер и магнитофон. Старый писатель-неудачник мечется по сцене, ест бананы и спорит с магнитофонными пленками, которые он сам записал, когда был молод. Кульминационный момент наступает тогда, когда он слушает на пленке свой собственный рассказ о любовном походе в далеком прошлом и его охватывает приступ дикой зависти.

А вот одноактная пьеса «Около зоопарка», написанная более молодым представителем школы Беккетта по имени Эдвард Элби. Этот пасквиль на человечество разыгрывается двумя людьми, сидящими на скамье у зоопарка. Один из них — уважаемый книжный издатель, другой — бродяга-психопат. Говорит главным образом бродяга. Забываясь от злости, он поносит издателя, разглагольствуя о своем одиночестве, нищете и вырождении. В заключение бродяге удалось хитростью всучить издателю нож, на который тот и напарывается.

Самым ярким образом, такой драматургии может служить, однако, пьеса Жана Жене «Балкон». Она идет в известном нью-йоркском театре «Круг на площади», где нет сцены. Действие происходит прямо в зале.

«Балкон» — название публичного дома. Зрители встречаются с тремя постоянными посетителями «Балкона». Первый из них (соответственно правилам «Балкона», по которым каждый посетитель может выдавать себя за кого угодно) выдает себя за епископа, второй — за судью, а третий — за наполеоновского генерала. Вскоре зритель знакомится и с другими персонажами: полубожаемыми проститутками, из которых одна изображает грешницу, кающуюся в своих грехах епископу, а другая — лошадь наполеоновского генерала. Не забыл автор и гомосексуалиста, садистически избивающего хлыстом одну из проституток.

В пьесе — чудовищное нагромождение событий: сначала издала пулеметная пальба и на сцене говорят о том, что происходит революция. Действующие лица произносят бесконечные тирады, избилующие нецензурными выражениями и такими сентенциями, как «жизнь — это длинные похороны», «революция — это игра», «вы мертвы, но вы красноречивы, потому что мертвы».

Во втором акте зритель наблюдает разгром революции, формирование нового правительства в публичном доме. В длинных бессвязных речах, в совершенно непристойных выражениях герои оскорбляют и поносят

друг друга и все человечество. В финале, когда в театре наступает полная темнота, владелица публичного дома, обращаясь к публике, насмешливо говорит: «Теперь вы должны пойти домой, где все, можете не сомневаться в этом, будет еще более лживо, чем здесь».

Некоторые пытаются найти в пьесе «Балкон» социальное и политическое содержание. Одни называют ее глубокой критикой диктатуры, другие — капитализма, третьи — социализма. Однако ясно, что дегенерат Жене глумится над теми, кто смотрит его пьесы или читает их.

Н ОВОЙ тенденцией в нынешнем театральном сезоне на Бродвее было появление пьес биографического и политического характера.

Одна из таких пьес — веселая комедия под названием «Вся шайка в сборе»; сюжетом для нее послужила жизнь покойного президента США Гардинга. В этой пьесе, принадлежащей перу Джерома Лоуренса и Роберта Ли, мы видим продажных политических деятелей, открыто торгующих высокими постами. «Вся шайка в сборе» критикует лишь немногие стороны американской политической жизни, но следует отметить, что авторы не пытаются обелить безобразные явления.

В последнее время на Бродвее делаются сборы еще одна пьеса на политическую тему: «Лучший человек». Она написана одним из самых молодых американских драматургов Гором Видалом. В ее главных персонажах печать и публика увидели прототипы Эдла Стивенсона, Ричарда Никсона, сенатора Маккарти и бывшего президента Трумэна.

Как сатирик Видал на высоте. Он тонко подмечает все нюансы на арене американской политической жизни и за ее кулисами. Вместе с тем, как писал театральный критик Кеннет Тайнен в журнале «Ньюйоркер», Видал «не позволяет себе бунтарских мыслей в отношении святости двухпартийной системы». В сущности, замечает критик, основная мысль драматурга сводится к следующему: «Достоинство нынешней двухпартийной системы в том, что она отстраняет самых худших кандидатов. Ее порок в том, что она отстраняет также самых лучших и 9 раз из 10 делает безопасный, серый и компромиссный выбор».

Новая пьеса Лилиан Хэллман «Куклы на чердаке» считается — за неимением лучшей — выдающейся пьесой сезона. Однако все критики правильно признают, что, несмотря на мастерство драматурга и блестящую игру актеров, эту пьесу Лилиан Хэллман отнюдь нельзя поставить в один ряд с другими ее произведениями. Она не имеет ничего общего с пьесами «Лисички» или «Леди и джентльмены», где автор уничтожающе критикует буржуазное общество и ставит социальные проблемы.

«Куклы на чердаке» — это пьеса об обедневшей «благородной» семье, состоящей из двух сестер Кэрри и Анны Бернбер и обожаемого ими молодого брата — мота Джулиана. Сестры живут мечтой о том, что когда-нибудь их брат достигнет большого успеха и станет очень богатым. Их мечта сбывается, но, как выясняется в дальнейшем, Джулиан нажил деньги путем вымогательства и мошенничества. Герои без конца заняты копанием в грязных чувствах и мелких переживаниях. Мы узнаем, например, что жена Джулиана психически ненормальна, что Анна обвиняет свою сестру Кэрри в кровосмесительной любви к Джулиану... Один из критиков остроумно заметил: пьеса начинается как анализ моральных последствий богатства и денег и заканчивается как трактат о патологии человеческой души.

Х АРАКТЕРИЗУЯ текущий театральный сезон, даже такой ярый защитник американского театра, как Брукс Аткинсон, был вынужден заявить: «У всех тех, кто видел 54 спектакля с начала нынешнего сезона, есть достаточно оснований для разочарования. Прошлый театральный сезон был в общем банальным. В этом сезоне положение... еще хуже. Хотя театр продолжает упорно удерживать свои позиции благодаря техническому мастерству, у него нет перспективы. Здесь нет творческой инициативы, которая толкала бы театр в русло больших мыслей и чувств. Сейчас в нашем театре нет гомеров. Человек кажется маленьким и ничтожным, потому что жизнь мала и ничтожна».

Жизнь может казаться мелкой и ничтожной Бруксу Аткинсону. Это его дело. Однако мелка и ничтожна не жизнь, а мелки и ничтожны люди, которые наживают деньги на постановке ничтожных и мелких пьес, удерживающих американское театральное искусство на том уровне, на котором оно находится сегодня.

С. ЛУРИ

¹ Альберт Камю — недавно умерший французский писатель и драматург. лауреат Нобелевской премии. Один из выдающихся в литературе философов, утверждающей бессмысленность и обреченность современной цивилизации в целом. (Ред.)

² Самюэл Бекетт — один из самых реакционных представителей абстрактного модернизма в драматургии Запада наших дней. (Ред.)

³ Жан Жене — современный французский драматург-модернист. (Ред.)